

№ К 95.2
ИЗЗ
И-48134

Чăваш
Республикин
ăслăлăхпа
ўнер наци
академи
хьшарёсем

Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики

Ăслăх
журналё

Научный
журнал

5/2002, 1/2003

2003

Член-корреспондент
НАНИ ЧР
Ю.М. АРТЕМЬЕВ

НАСЛЕДИЕ Н.Я. БИЧУРИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Неординарная личность великого сына чувашского народа, ученого и литератора Никиты Бичурина представляет сегодня небывалый интерес. Как формировался его духовный мир, словно сотканный из противоречий, как складывалось его мировоззрение? Почему он стал востоковедом? Как ему удалось реализовать себя, преодолев столько препятствий?

Великий сын чувашского народа Никита Бичурин, еще при жизни принесший российской науке европейскую славу, ныне принадлежит всему человечеству. Судьба этого человека, пришедшего в мир 225 лет назад, зигзагообразна, крайне необычна, полна загадок и тайн. Хотя, как отмечает профессор П.В. Денисов, «в настоящее время востоковедческая наука располагает огромным числом публикаций, в которых профессионально и многопланово разработана его творческая биография и показан реальный вклад в развитие отечественной и мировой ориенталистики». Ценные сведения содержат исследования, записки, воспоминания Адоратского, Щукина, Тимковского, Моллера и многих других. Поэтому мы добавим, что бичуриноведение сегодня настолько богато, что скомпилировать очередную пухлую монографию не составляет особого труда. Хотя по-прежнему появляются монографии и книги, в которых авторы продолжают выяснять: был ли Бичурин убежденным христианином? Еще прочно живут ходячие стереотипы о «тяжких бурсацких годах» будущего ученого, испытаниях холодом и голодом, тяготах бытовой жизни. Где же факты? Совсем недавно это было аксиомой, добытой не размышлениями, а классовым мировидением. Анахронизмом выглядит также инерция рассматривать и оценивать наследие великого синоведа сквозь перипетии его личной жизни. А.С. Пушкин, прекрасно понимая, что выдающиеся личности и гении менее всего защищены в проявлении человеческих слабостей, как будто обращался к недоброжелателям своего близкого друга Никиты Бичурина: «Врете, подлецы, он подл и низок не так, как вы!»

Для нас сегодня представляет интерес неординарная личность ученого и литератора. Как формировался его духовный мир, словно сотканный из противоречий, как складывалось мировоззрение? И, наконец, давайте зададимся вопросом: почему Никита Бичурин именно так определил свое призвание, то есть стал востоковедом? Кто, где и в какое время заронил в его душу первое зернышко этого увлечения, которому отдал он всего себя без остатка? И как ему удалось реализовать себя, преодолев столько препятствий?!

Известно, фамилия Никиты произошла совершенно случайно (к примеру, его

брату Илье записали фамилию Фениксов), от названия села Бичурино, куда семья перебралась через два года после его рождения. Впечатления детства, наблюдения обычаев чувашского народа, музыку чувашской речи, милые сердцу пейзажи родного края Бичурин пронес через всю тернистую дорогу своей жизни. Прожив четырнадцать лет среди китайцев и монголов, изучая их быт, культуру, язык, историю, географию, ученый интуитивно постиг, что чуваша тоже вышли из Центральной Азии, текущая в собственных жилах чувашская кровь чутко отзывалась на все, что было близко и родственно в складе души и психологии восточных народов. Он сравнивал и находил много общего в их культурных традициях.

Бичурин, с детства знавший чувашский язык на бытовом уровне, в духовной семинарии, а затем в академии совершенствовал и литературный чувашский. Передовой человек своего времени Казанский архиепископ Амвросий Подобедов значительно раньше Ильминского поддержал идею «инородческих» языков и был убежден, что слушатели учебных заведений духовного ведомства должны в совершенстве владеть языком своей нации, а наиболее «способные из них обучались бы *высшим наукам*». Конечно, учащиеся духовной семинарии готовили к сану священников и дьяконов. Это были будущие миссионеры, но первый среди равных, Никита Бичурин уже здесь выделялся своими блистательными способностями, редким трудолюбием. И неудивительно, что выпускник был оставлен в академии, где он преподавал в начале информаторию, а затем высшее красноречие. Поэтому и он, несколько переиначив слова Пушкина, тоже мог бы сказать шутливо: старик Амвросий нас заметил, и в гроб сходя благословил. Судьбоносную роль архиепископа в последующей жизни и карьере Бичурина исследователи раскрыли достаточно полно. Когда впоследствии в научных и общественных кругах стали муссировать слухи о том, что Никита якобы побочный сын архиепископа Амвросия, он, как правило, их не опровергал, а чаще отмалчивался или отвечал свойственными ему остроумными шутками. Когда в очередной раз, благодаря поддержке своего благодетеля и ангела-хранителя, Бичурин назначается ректором Иркутской духовной семинарии, то это лишний раз могло подтвердить, что все, за что ни брался этот человек, давалось ему легко, без особого напряжения, что он, наконец, удачлив. Но такова была натура этого необычайно одаренного человека: блистательная карьера вскоре рухнула, и причиной тому стала таинственная любовная история, чем-то напоминающая похождения байроновского Дон-Жуана. Вообще вся судьба Бичурина отмечена печатью особенности: это чередование взлетов и следующих затем крушений карьеры, иллюзий, надежд... Ему пришлось вынести «иркутское дело», «пекинское дело». Впрочем, надежды в его душе никогда не угасали, более того, только благодаря им он побеждал невероятные трудности, себя, преодолевал давление окружающей среды.

И все-таки путь великого востоковеда берет начало в Казани, названной «воротами Востока». Не имея точных сведений, мы можем только предположить, что именно здесь Никита основательно изучил историю, традиции и современную культуру как Востока, так и Запада. Именно в Казани можно было наблюдать скрещение азиатского начала с европейскими традициями, это заметно было во

всем: в сосуществовании разных национальностей и языков, конфессий, ментальных особенностей, костюмов, традиций, обычаев... Как писала Екатерина II в письме к Вольтеру: «В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно не сходны между собою». И конечно же, колоссальные знания почерпнул Никита из книг, в выборе которых важную роль играли советы архиепископа Амвросия. Свободно владея французским языком, он читал в оригинале французских просветителей, книги о путешествиях.

Когда встал вопрос о том, чтобы определиться с выбором должности, он выбрал место ректора Иркутской духовной семинарии и архимандрита Вознесенского монастыря. И можно предположить, что Иркутск для него стратегически мыслился перевалочным пунктом для отправки в Китай. Амвросий Подобедов, отправивший в 1793 г. в составе Восьмой духовной миссии пятерых воспитанников из Казанской духовной семинарии, Бичурина готовил к Девятой миссии. Поэтому Бичурин уже в Казани готов был, как говорят, выстрелить.

Решающая и поворотная страница в биографии ученого – период пребывания в Пекине во главе Девятой православной миссии. Многие факты и документы свидетельствуют о том, что провал Девятой православной миссии во многом был спровоцирован, хотя с главы миссии ответственность не снимается. Во-первых, миссию выпроводили из страны и основательно о ней забыли; она вынужденно пробыла там почти два срока. При этом вскоре прекратили и финансовую поддержку. А когда до Синода и правительства дошли слухи, что дела миссии запущены, что отец Иакинф с аукциона распродает имущество, в сентябре 1814 г. хотели отозвать Бичурина с заменой более достойным руководителем. Но дело не пошло дальше поисков кандидатуры и обсуждений вопроса в правительстве. Хорошо известно: чиновничье-бюрократическая машина в России во все времена работала из рук вон плохо. После этого миссия еще семь лет влачила жалкое существование. Во-вторых, состав Девятой миссии был укомплектован из недостаточно подготовленных (за редким исключением) миссионеров, людей случайных, корыстолюбивых. Бичурин, забросив церковно-миссионерскую службу занимавшийся собирательско-изыскательской работой, забывший о сне и отдыхе, казался им неким монстром – ведь они день и ночь мечтали о том, чтобы поскорее оставить эти Богом забытые края и унести свои кости на родину! Отсюда бесконечные жалобы на о. Иакинфа, журавлиной стаей летящие в Синод.

Бичурин не мог не предвидеть, что за состояние собственно миссионерской деятельности с него спросят строго. Но сделав рискованный (в собственном стиле) выбор, он совершил беспримерный подвиг. Формально «Пекинское дело» им проиграно, но по высшему «гамбургскому» счету он победил: идущие вослед, в частности, Десятая православная миссия во главе с Петром Каменским, учтя не только ошибки, но и все то ценное, что им сделано, значительно расширила фронт миссионерской работы, и ее частью стало научное китаеведение. К сожалению, замысл и масштабы этого научного подвига не под силу было еще оценить правительственным кругам, не говоря о Синоде, высшей церковной инстанции. Для сравнения: католические христианские миссии были задействованы в Китае с

XIII в., и к началу 20-х гг. XIX в. они имели здесь 6 епископов, 23 священника, 80 священников из местного населения, основали семинарии, школы, результат деятельности – 215 тыс. неопитов-католиков. Как видим, здесь даже само сравнение состояния и успехов двух разных миссий выглядит некорректным. Надо ли при этом говорить, что за привлекательным фасадом католической миссии таились далеко идущие цели и задачи экономической экспансии на Востоке? И если бы российское правительство поступило по принципу: богу – богово, кесарю – кесарево и попыталось бы рассмотреть деятельность отца Иакинфа, отделяя вклад в китаеведение от решения миссионерских задач, то оно значительно быстрее справилось бы с решением проблем русско-китайских отношений, налаживанием и усилением торгово-дипломатических связей. Но прозрение у власть имущих пришло значительно позднее. Царь Николай I, свято чтивший одиозную уваровскую триаду: самодержавие, народность, православие, собственноручно решил судьбу опального архимандрита и тем невольно усложнил перспективы развития этой важной сферы. И все могло быть захоронено, если бы монах Иакинф сдался, а его уникальные сокровища остались лежать в архивах мертвым грузом. Но затворник Валаамского монастыря в условиях строжайшего заточения (с 4 сентября 1823 г. по 1 ноября 1826 г.) продолжает работу по подготовке трудов к изданию.

Говоря о решающей роли тех, кто принимал участие в освобождении Бичурина из Валаамского заточения (Шиллинг, Тимковский...), нельзя умалчивать и о том, что присущие ученому качества живой энциклопедии востоковедения и полиглота объективно были востребованы создавшимися обстоятельствами и временем. Кроме талантливого востоковеда Тимковского, история особо выделяет имена двух чиновников: барона Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта и министра иностранных дел графа Карла Васильевича Нессельроде. Парадоксально, но факт: эти два немца гораздо глубже, чем большинство русских в чиновничьих кругах, осознавали национальные интересы России и с истинно немецкой настойчивостью и методичностью добивались освобождения и перевода Бичурина в штат Азиатского департамента в качестве специалиста по китайскому и маньчжурскому языкам. Если учесть, что их ходатайства начались еще в тот период, когда продолжалось следствие по «китайскому делу», то это было связано с риском для карьеры. Павел Львович Шиллинг – личность яркая, разносторонне одаренная, он изобрел и использовал на практике литографический способ печати, а также изобрел электромагнитный телеграф. Человек прогрессивных взглядов, Шиллинг был хорошо известен в литературно-научных кругах: являлся членом-корреспондентом Российской Академии наук (по разряду литературы и древностей Востока), членом Британского общества азиатской литературы. Шиллинг раньше других оценил, какие богатства представляют привезенные Бичуриным уникальные книги и рукописи. Надо отдать должное и министру Нессельроде, который с редким упорством добивался решения вопроса в пользу затворника монастыря, а затем поддерживал его финансами.

Бичурин, находящийся в расцвете сил, несмотря на половинчатость своего освобождения, с утроенной энергией взялся за дело и за период 1826–1834 гг. издал целый ряд важнейших трудов: «Описание Тибета» (1828), «Записки о Монголии»

(1828), «Описание Чжунгарии» (1829), «Описание Пекина» (1829), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Троеслово» (1829), «История Тибета и Хухунора» (1833) и др. Появление этих работ вызвало неоднозначную оценку в научных кругах как в России, так и на Западе. В силу исторически объективных причин, исследования Бичурина столкнулись с доминировавшими в мировой науке европоцентристскими взглядами и настроениями. Ведь среди западных ориенталистов были и такие, кто, имея дилетанские представления о культуре, истории, языке китайского народа, застраховал себя высокими званиями и степенями, пухлыми трудами. Своими исследованиями Бичурин на первый план ставил не признание личных заслуг и достижений в области востоковедения. Ему было обидно, что иностранные ученые типа академика М.И. Броссе, используя чужие труды (в частности, самого Бичурина), составляют каталог китайской библиотеки и за это получают ордена. В письме к М. Погодину ученый справедливо возмущается: «Назад тому три года АН действительно выписала из Парижа профессора китайского языка. Это был Броссе. Но как, вместо переводов, возложили на него составить каталог китайской библиотеки, находящейся при АН, то он отозвался, что по давности не в состоянии упомянуть значение всех букв китайских. После всего вместо китайщины принял на себя звание профессора языков армянского и грузинского. Я написал каталог и получил 200 р. серебром, а г. Броссе за этот же каталог получил орден. Не нагло ли бесстыдство?». Мысль Бичурина звучит крайне современно, она и на сегодняшний день актуальна: ведь Бичурин во многом опередил европейское востоковедение и справедливо говорил, что он «один сделал в пять крат более, нежели все прошедшие миссии», а в то же время руководство АН продолжало раболепствовать перед иностранными ориенталистами, явно недооценивая собственных ученых. Как, например, случилось с архимандритом Аввакумом, талантливым ориенталистом, которого забаллотировали при выборе в состав АН. Бичурин по этому поводу Погодину писал: «Отказали потому что – русский, не иностранец».

Европоцентризм находил сильную поддержку и внутри самой России, в научных кругах и среди литераторов было немало тех, кто придерживался западных взглядов и настроений. Примером этому служили поверхностные суждения и оценки трудов Бичурина Осипом Сенковским, который считался специалистом в области ориенталистики, знатоком восточных языков. Бичурин иронически отзывался об уровне отечественного китаеведения: «Горе от ума! Наша первостатейная ученость требует одних сказок китайских, чтобы после карт с приятностью заснуть». Признанный современниками «первым хинологом Европы», Бичурин прекрасно видел, как многие, достаточно трезвомыслящие люди, пребывают в плену предвзятых и ложных мнений о Китае, его культуре, традициях его народа. Тот же Сенковский, например, в рецензии писал, что возмутительно сравнение Китая с Европой, что Бичурин своими исследованиями поставил «монумент Китаю». Белинский-западник на смертном одре также считал, что сравнение Китая с Европой «наивно до смешного». Бичурин, уже получивший не единожды Демидовскую премию и признание в научных кругах, изредка дает достойный ответ своим оппонентам, предметно опровергая их поверхностные суждения. Он писал: в

литературных трудах надо менее говорить с ветра и еще менее писать наугад.

Выдающийся ученый-востоковед, впервые открывший России Китай, страстно влюбленный в него, хотел, чтобы соотечественники также полюбили бы трудолюбивый и мудрый древний китайский народ. И. Панаев, вспоминая регулярные вечера в салоне кн. В. Одоевского, отмечает: «Когда Иакинф заговаривал о своем Китае, многие светские господа из салона княгини приходили слушать его». Несколькими десятилетиями позже русский культуролог Н.Я. Данилевский не без влияния идей Бичурина, решительно отвергая европоцентристские воззрения, писал: «Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу... когда на древних греков кометы наводили еще суеверный страх, китайские астрономы, говорит Гумбольдт, наблюдали уже научным образом эти небесные тела». Эти наблюдения и обобщения Н.Я. Данилевского свидетельствовали о том, что глобальная проблема «Восток – Запад» ставилась уже на другом, более высоком уровне. И без преувеличения можно сказать, что выдающийся востоковед Никита Бичурин, сотворивший как бы новый, научно достоверный образ Китая, во многом изменил образ мышления современников. И если появление каждого его нового труда вызывало острую полемику и горячие споры на страницах не только русской, но и зарубежной печати, то почти каждый раз Бичурин получал так необходимую моральную поддержку в лице прогрессивных деятелей науки и литературы. Исследования китаеведа получили объективную оценку в статьях, в литературно-критических публикациях М. Погодина, О. Сомова, О. Ковалевского, Е. Тимковского, Н. Полевого, А. Дельвига и многих других. Уважительные отзывы и оценки зарубежных ученых – Борро, Жюльена, Гумбольдта также оказывали важную поддержку, подтверждая известную истину: «В своем отечестве пророков нет».

Не раз битый жизнью, наученный горьким опытом, Бичурин не был настолько наивным, чтобы думать о победе, главное для него было – выстоять. Вот это, самое главное, ему удалось. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1831 г. – действительным членом Азиатского общества в Париже, четыре раза удостоивался Демидовской премии. И тем не менее, в глазах научной общественности его имя и вклад в науку были гораздо весомее, нежели официальное признание. Личность ученого, его биография вызывали живой интерес у зарубежных ученых. Известный политолог, ученый и литератор англичанин Джордж Борро, заинтригованный легендами и слухами о родословной Бичурина, вместе с тем по первоисточникам судивший о его вкладе в востоковедение, обращался с просьбой к своему корреспонденту: «Мне хочется, чтобы вы разузнали, где родился Иакинф, кто был его отец и что он делал в Китае». Вряд ли кто-нибудь смог бы тогда ответить англичанину, что Бичурин родом из чуваш и отец его был простым священником в чувашском селе. Ходили слухи о якобы высоком происхождении Бичурина (он был аристократом духа, а не аристократом по крови). В кругах ученых, литераторов, художников его принимали за равного. Современники отмечают его изысканную французскую речь. По воспоминаниям Тимковского, в английском посольстве в Тунчжоу Бичурин принял за француза, состоящего на российской службе.

